
«Это — наше, русское» (Блок — Есенин — Рубцов)

Э. Б. Мекш

Как счастлив и велик поэт, на чьи стихи откликается любая живая человеческая душа! Как счастлива нация, имеющая такого поэта.

Анатолий Жигулин

17 ноября 1968 года газета «Вологодский комсомолец» впервые опубликовала стихотворение Николая Рубцова «На ночлеге». В следующем году по публикации в первом номере журнала «Молодая гвардия» с ним познакомилась вся страна.

Лошадь белая в поле тёмном.
Воет ветер, бурлит овраг,
Светит лампа в избе укромной,
Освещая осенний мрак.

Подмерзая, мерцают лужи...
«Что ж, — подумал, — зайду давай?»
Посмотрел, покурил, послушал
И ответил мне: — Ночевай!

И отправился в тёмный угол,
Долго с лавки смотрел в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово ещё одно!

Есть у нас старики по сёлам,
Что утратили будто речь:
Ты с рассказом к нему весёлым —
Он без звука к себе на печь.

Знаю, завтра разбудит только
Словом будничным, кратким столь.
Я спрошу его: — Надо сколько? —
Он ответит: — Не знаю, сколь!

И отправится в тот же угол,
Долго будет смотреть в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово ещё одно!..

Ночевая! Глухим покоем
Сумрак душу врачует мне,
Только маятник с тихим боем
Всё качается на стене.

Только изредка над паромной
Над рекою, где бакен жёлт,
Лошадь белая в поле тёмном
Вскинет голову и заржёт... [9].

Разговор о данном стихотворении Рубцова надо начать с утверждения его прототипной основы. «На ночлеге», как и многие лирические произведения поэта, определено его личным опытом, о чём свидетельствуют и авторы воспоминаний (Н. Коняев, В. Астафьев, С. Куняев и др.). Но, прокручивая через себя жизненные наблюдения, Рубцов всегда выходил на философские обобщения, связанные с его раздумьями о взаимоотношениях человека с окружающей средой. Кстати, С. Куняев считает, что само слово «связь» было для Рубцова «роковым и любимым» [5]. Наиболее концептуально слово это отразилось в часто цитируемом четверостишии:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую саму жгучую,
Самую смертную связь [10].

В общефилософской проблематике экологической гармонии на земле Рубцова привлекала прежде всего особая национально-культурная её трактовка, определённая историческим развитием труженика в специфических природных условиях, в данном случае — Русского Севера. Поэтому в стихах его «рассыпаны», как северная ягода морошка, многие узнаваемые топонимы, как, например, и в зарисовке «над паромной / Над рекою, где бакен жёлт» узнаётся столь судьбоносный для поэта перевоз на реке Сухоне близ Тотмы.

Событие, описанное в стихотворении «На ночлеге», — типичное в скитальческой жизни Рубцова. Поэт привык к дорожным неудобствам и воспринимал их стоически. И то, что обычно раздражало многих людей в дороге осенью (дождь, грязь, промозглый ветер), Рубцовым воспринималось как природная объективность, а в шуме дождя или в свисте ветра слышалась ему «музыка сфер» (термин В. Кандинского). Так, в письме к В. Д. Елесину от 24 октября 1965 года поэт писал, что для него «слушать завывание деревенского ветра осенью и зимой — то же, что слушать классическую музыку, например, Чайковского; к которому я ни разу не мог остаться равнодушным» [7]. Подобное мироощущение Рубцова сродни древнему священнобезмолвию, характерному для живописи Рублёва и Дионисия. Почему священнобезмолвию? Да потому, что согласно философии исихазма, окружающая человека среда пронизана божественными энергиями. Однако не все люди могут их воспринимать, особенно те, кто много суетится в жизни и кто воспитан на парково-ресторанной культуре. С точки зрения подобных людей, старик — персонаж стихотворения «На ночлеге» — не интересен, примитивен, немногословность его якобы от языковой бедности существования в «тёмном углу». Но поэт видит в хозяине «избы укромной» не примитивную натуру, а некий неразгаданный феномен, связанный с народной немногословностью:

Есть у нас старики по сёлам,
Что утратили будто речь:
Ты с рассказом к нему весёлым —
Он без звука к себе на печь.

Постижь тайну старика для поэта равнозначно онтологическому постижению сути национального

характера и его отношения к окружающей среде, ибо в деревенской избе и её жителях отражаются те же законы макромира, по которым живет и природный мир. Поэтому вслед за сообщением о «сидении у окна» поэт изображает и объект столь пристального внимания старика: «долго с лавки смотрел в окно / На поблёкшие травы луга». Параллель здесь достаточно прозрачная: возраст человека соотносится с временем года. Подобное сопоставление времен года с жизненными периодами человека — универсальная художественная модель, а природа, как считали наши предки, с которыми был согласен и Рубцов, — «это прежде всего организованный Богом мир, мир, который, несомненно, выше человека, “учит” человека, подаёт добрый пример праведной жизни» [6], пример толерантности и доброты. Понимание этого приводит к согласию с миром и лирического героя:

Ночеваю! Глухим покоем
Сумрак душу врачует мне.

Стихотворение «На ночлеге» строится на основе кольцевой композиции: начальная и последняя строфы повторяют строку «Лошадь белая в поле тёмном». Именно из этой строки и развилось всё стихотворение. Об этом свидетельствуют и два варианта, хранящиеся в Государственном архиве Вологодской области. Первый вариант следующий:

Лошадь белая в поле тёмном.
Над рекой стоят облака,
Я в избушке сию укромной
У паромщика-старика.

Перед тем я бродил по лужам,
Вдруг огонь... Заверну давай? —
— Можно на ночь?
Взглянул, послушал
И ответил мне: — Ночевай!

.....
Только изредка над паромной
Над рекою, где бакен жёлт,
Лошадь белая в поле тёмном
Вскинет голову и заржёт... [10, 82].

Второй вариант:

Лошадь белая
В поле тёмном.
Замерзает внизу река.
На ночёвку
В избе укромной
Я устроился у старика.
Я сказал ему:
— Злитесь стужа!
И пугает собачий лай...
Он взглянул,
Покурил, послушал
И ответил мне: — Ночевай!
Ночеваю!
В моём окошке
Звёзд осенних полным-полно!
А на сердце
Скребются кошки

.....
[10, 83].

Сергей Есенин

Александр Блок

Николай Рубцов

Строка «Лошадь белая в поле тёмном» в стихотворении Рубцова «На ночлеге» цитатная, она связана с блоковско-есенинским контекстом. Но в стихотворении Рубцова эта строка появилась, по-видимому, из одного источника — из «Автобиографии» Есенина 1924 года, в которой есть сопоставление Америки и России. Сравнивая два социума, поэт даёт каждому из них духовную оценку: «После заграницы я смотрел на страну свою и события по-другому.

Наше едва остывшее кочевье мне не нравится. Мне нравится цивилизация. Но я очень не люблю Америки. Америка — это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба, немного выросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаде́нка. Это не то что небоскрёбы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.» [3].

В перечислении Есениным духовных лидеров не назван Блок, хотя поэт неоднократно подчёркивал своё уважительное отношение к нему. Не назван же Блок, возможно, потому, что российский «пейзаж», противопоставленный «небоскрёбам» Америки, заимствован Есениным из статьи Блока «Судьба Аполлона Григорьева» (1915). Резюмируя биографическое описание жизни А. Григорьева, Блок заключает:

«Я приложил бы к описанию этой жизни картинку: сумерки; крайняя деревенская изба одним подгнившим углом уходит в землю; на смятом жнивье — худая лошадь, хвост треплется по ветру; высоко из прясла торчит конец жерди; и всё величаво и торжественно до слёз: это — наше, русское» [1].

Блоковские рассуждения о «нашем» навеяны, в данном случае, его же дневниковыми записями. 1 октября 1908 года. Блок записал следующее: «Руново.

Виденное: гумно с тощим овином. Маленький старик, рядом — болотце. Дождик. Сиверко. Вдруг осыпались золотые листья молодой липки на болоте у прясла под ветром, и захотелось плакать.

Когда выходишь на место срубленной роши из сумерки (ранние, осенние), — дали стираются туманом и ночью. Там нищая, голая Россия.

Просторы, небо, тучи в день Покрова» [2].

Подобные блоковские ассоциации встречаются и у Рубцова, например, в стихотворении «Острова свои обогреваем» читаем:

Захлебнулось поле и болото
Дождевой водою — дождалось!
Прозябаньем, бедностью, дремотой
Всё объято — впадины и высь!
<...>

Острова свои обогреваем
И живём без лишнего добра,
Да всегда с огнём и урожаем,
С колыбельным пеньем до утра...

Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужею дорог!

Мать России целой — деревушка,
 Может быть, вот этот уголок...
 [9, 227].

Сквозная «блоковская» цитация у Есенина и Рубцова представляется закономерной, потому что — это всё о России, искренняя любовь к которой определяла и творчество поэтов.

Известно, что ник кому другому, а именно к Блоку пришёл в Петрограде в марте 1915 года молодой рязанский поэт. Пришёл потому (как об этом он скажет своему другу В. С. Чернявскому), что Блок «хороший и добрый» [11] по отношению к России. Поэтому и позже Есенин будет неоднократно говорить, что «из современных поэтов я люблю больше других Блока» (из воспоминаний И. Н. Розанова) [12].

Аналогичны и признания Рубцова относительно Есенина в письмах к друзьям. В одном из них (наиболее развёрнутом) — в письме к В. И. Сафонову от 2 февраля 1959 года — поэт пишет:

«...Невозможно забыть мне ничего, что касается Есенина. О нём всегда я думаю больше, чем о ком-либо. И всегда поражаюсь необыкновенной силе его стихов. Многие поэты, когда берут не фальшивые ноты, способны вызывать резонанс соответствующей душевной струны у читателя. А он, Сергей Есенин, вызывает звучание целого оркестра чувств, музыка которого, очевидно, может сопровождать человека в течение всей жизни.

Во мне полнокровной жизнью живут очень многие его стихи».

И далее Рубцов демонстрирует тонкое понимание специфики есенинской поэзии на примере анализа седьмой строфы стихотворения «Хулиган» (1919):

Кто видал, как в ночи кипит
 Кипячёных черёмух рать?
 Мне бы в ночь в голубой степи
 Где-нибудь с кистенём стоять!

По поводу этой строфы Есенина Рубцов пишет следующее:

«Что за чувства в этих стихах? Неужели желание убивать? Этого не может быть! Вполне очевидно, что это неудержимо буйный (полнота чувств, бьющая через край, — самое ценное качество стиха, точно? Без него, без чувства, вернее, без неё, без полноты чувства, стих скучен и вял, как день без солнца) — повторяю: это неудержимо буйный (в русском духе) — образ жестокой тоски по степному раздолью, по свободе. Не важно, что образ хулиганский. Главное в нём — романтика и кипение, с исключительной силой выразившие настроение (беру чисто поэтическую сторону дела)».

И не случайно после развёрнутого анализа особенностей есенинского стиха Рубцов вспоминает Блока:

«Вообще в стихах должно быть “удесятерённое чувство жизни”, как сказал Блок. Тогда они действительно» [8].

«Удесятерённое чувство жизни» связано и с искусством; Блок любил повторять, что «искусство, как и жизнь, слабым не по плечу». Эту блоковскую традицию, через Есенина, хорошо усвоил Рубцов. И, как видно на примере стихотворения «На ночлеге», блоковско-есенинские ассоциации (изба — старик — лошадь — осень — Россия) нашли своё достойное продолжение и в поэзии Рубцова.

Есенин, определяя особенность национального характера, говорил, что она заключается в душе, «которую у нас в России на пуды меряют» [4] (из письма к А. Б. Мариенгофу из Нью-Йорка от 12 ноября 1922 года). В этом же и особенность русской поэзии. Рубцов вслед за Блоком и Есениным с полным основанием мог сказать:

Перед этой
 Жёлтой, захолустной
 Стороной берёзовой
 Моей,
 Перед жнивой
 Пасмурной и грустной
 В дни осенних
 Горестных дождей,
 Перед этим
 Строгим сельсоветом,
 Перед этим
 Стадом у моста,
 Перед всем
 Старинным белым светом
 Я клянусь:
 Душа моя чиста.
 [9, 228].

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. Собр. соч.: В 6 т. — Л., 1982. — Т. 4. — С. 226.
2. Там же. — Т. 5. — С. 125.
3. Есенин С. Полн. собр. соч.: В 7 т. — М., 1999. — Т. 7. — Кн. 1. — С. 17.
4. Есенин С. Полн. собр. соч.: В 7 т. — Т. 6. — С. 150.
5. Куняев С. «Русский огонёк» // Воспоминания о Николае Рубцове. — Вологда, 1994. — С. 248.
6. Лихачёв Д. С. Поэзия садов. — Л., 1982. — С. 45.
7. Рубцов Н. Русский огонёк: Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма. — Вологда, 1994. — С. 410.
8. Там же. — С. 393—394.
9. Рубцов Н. Собр. соч.: В 3 т. — М., 2000. — Т. 2. — С. 38—39. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.
10. Рубцов Н. Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 187.
11. Сергей Есенин в стихах и жизни. Воспоминания современников. — М., 1995. — С. 120.
12. Там же. — С. 302.